

Картотеки СРНГ, в русских говорах (преимущественно по течению Волги) весьма широко известно или было известно слово *чка* 'плавающая льдина' симб., ярosl., сарат., низовья р. Урал., *чки* 'ледяные поля' астрах. Поскольку те же данные содержат *чка* 'доска' (в курских говорах), естественно считать, что речь идет о диалектном преобразовании того же типа, что др.-рус. *чка* 'доска' = рус. *доска* < праслав. \**dъska* [Фасмер, 1, 532; 4, 303]. Учитывая анлаутное ч-, а не ч-, допустимо предполагать развитие *чка* < \**дъшкѧ*, где -ш- как в укр. *дóшка*, блр. *дóшка*, но ударение как в рус. *доска́*.

Предложенные соображения содержатся также в книге: А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 2. С. 230; Вып. 3 (рукопись).

Горячева Т. В. Восточнославянские этимологии (рус. *бим*; блр. *галялёць*; рус. *закружный*; блр. *вогяры*; праслав. \**хута*/\**хуть*; рус. *посы́титься*) // Этимология. 2003–2005. М., 2007.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.

Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Ed. L. L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970. Т. 2.

Н. П. Антропов  
Минск (Белоруссия)

### Этнолингвистические аллюзии белорусского этимологического словаря

Во введении к «Этымалагічнаму слоўніку беларускай мовы» [ЭСБМ, 1, 3–16] тогдашний редактор словаря В. В. Мартынов в качестве обязательных задач будущего издания определил следующие: отражение 1) словообразовательных и семантических архаизмов, 2) инноваций, в том числе территориально ограниченных, 3) заимствованной лексики, 4) экспрессивной лексики, оригинальной и заимствованной, 5) всех доступных данных о географической стратификации лексики. Безусловно, эти задачи (в общем, и естественные, и обычные для этимологической практики), прежде всего относящиеся к семантическим архаизмам, только подразумевают (и только в порядке общей алфавитной очереди) исследовательский интерес к культурной семантике той части тезауруса, в которую входит лексика традиционной духовной культуры. Между тем, как показывают соответствующие работы по крайней мере последнего десятилетия, без учета «культурного контекста» определение этимологического решения – особенно в части его полноты – может в ряде случаев оказаться затруднительным.

В связи с этим небезынтересной представляется словарная этимологическая судьба белорусских названий радуги, исключительно насыщенных в традиционной культуре мифологическим (мифопоэтическим) содержанием. Полный их реестр вкупе с картографической проекцией большей части наименований был опубликован задолго до начала работы над ЭСБМ [ДАБМ; карта № 312: Назвы вясёлкі].

Более того, также до выхода первого тома белорусского словаря буквально все эти лексемы на максимально широком для начала 1970-х гг. славянском фоне были проанализированы Н. И. Толстым в самой большой статье серии «Из географии славянских слов» [Толстой, 1997 (первая публикация – 1976 г.)]. Тем удивительнее, что первая ссылка на ДАБМ (увы, неточная) появляется только в 5-м т. (1989 г.; *Kisaliha* вместо *Kisialiha*), а на фундаментальную работу Н. И. Толстого – в 9-м (2004 г.; *По́яс*). Вообще, из 27 наименований от *асяло́к* до *ра́даўніца*, которые могли бы войти в словарь (некоторая часть – вариантами), в ЭСБМ в 12 отдельных статьях (из них 2 отсылочные) отмечены 15 лексем; еще одна (также неточно: *про́мень* вместо *про́мінь*) в статье с заглавным словом, имеющим более общее значение. Что касается этимологий, то культурный контекст сравнительно полно учтен только в недавних статьях *По́яс* и *Ра́дуга*; в остальных случаях речь идет об учете исключительно формальных показателей, в том числе, разумеется, и семантических – как правило, возможных, но допускающих и иные версии, если бы были привлечены данные из области традиционной культуры (как, например, в статьях *Kisialiha* или *Ключ*). Увы, иной раз, а именно в статье *Меця́ўха* (с неучтенным оригиналом *мэ-целу́ха* из архива ДАБМ) привлечение формальных соответствий (здесь *мяце́ль* ‘метель’) носит откровенно произвольный характер.

Но, конечно, хуже, если название вовсе не отражено. Так получилось с уникализмом *бага́тка* (реконструкция; в русскоязычном оригинале читаем *богатка* без ударения), который полтора века назад зафиксировал католический священник Иоанн Берман на западе Минщины [Берман, 1873, 41]. В этимологическом плане наименование выглядит абсолютно прозрачным: от прил. *bágaty* < \**bogaty*(ь), далее к \**bogъ* [ЭССЯ, 2, 158; SP, 1, 295–296]. В самом деле, в соответствии с записью ксендза Бермана, *богатка* предсказывает продолжение дождя, и таким образом, по мнению Н. И. Толстого, входит – с корректной оговоркой «возможно» – в круг наименований, которыми символично (реконструктивно) манифестируются плодородие и будущий урожай, т. е. собственно богатство. Это коррелирует с обычаями южных славян (македонцев, болгар и сербов), а также албанцев гадать по радуге об ожидаемом урожае [Толстой, 1997, 192; также 193–195, 208–209]. Однако подобная непосредственная апелляция к прилагательному с семантикой ‘богатый, богатство’ является единичной как для белорусских, так и для славянских названий радуги, более того, она вообще уникальна для наименований этого небесного явления. Например, на мотивационной карте I.9 (*Arc-en-ciel*) из первого выпуска «Atlas linguarum Europae» (1983 г.) подаются только не прямые, отдаленные и весьма опосредованные ономазиологические репрезентации мотива ‘богатый, богатство’, который отмечен для нескольких европейских языков, особенно на юге континента. Существенно, что лексически он реализуется не в общем смысле («богатое, много богатства»), а дифференцированно, т. е. «это и то», «много того и того», обычно же как наиболее известный и распространенный тип – «богатство отдельных сельскохозяйственных культур», с цветом которых отождествляются цветные полосы радуги, ср. итал. *pane e vino* («хлеб и вино») или макед. *виножито* [Алинеи, 1988, 114; см. также: Софрониевский, 2007, 386, 388–390].

Поэтому не исключено, что как будто бы очевидная связь с прилагательным пары *бага́тка* // *багаты* является вторичной (как, кстати, и в аналогичном случае

*вясёлка // вясёлы*). Это, как представляется, поддерживается рядом восточнославянских субстантивов с корнем *bagat-*, которые продолжают праслав. \**bagatje* и \**bagatъ* [ЭССЯ, 1, 124; SP, 1, 176–177, 179–180] и которых объединяет общий (и также с метафорическими сдвигами/продолжениями) скрытый мотив чего-то особенно яркого и яркого, а поэтому в определенных обстоятельствах сакрального, прежде всего, разумеется огня: купальского, «толочного», последнего и т. п.

*Алинеи М.* О названиях радуги в Европе (карта 17 Лингвистического атласа Европы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.

*Берман И.* Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губернии, Ошмянского уезда // Зап. Импер. рус. географ. о-ва по отделению этнографии. Т. V. СПб., 1873.

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

*Софрониевский В.* *Божилак, виножито, сунница* // Словенска етимологија данас. Београд, 2007.

*Толстой Н. И.* Из географии славянских слов. 8. 'Радуга' // Толстой Н. И. Избр. тр. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 168–216.

*О. Н. Анциферова*  
Екатеринбург

### **Иноязычные имена собственные в «Журнале путешествия...» Н. А. Демидова**

Наблюдения за лексическим составом «Журнала путешествия...» Н. А. Демидова (далее Журнал) позволили выделить довольно большую группу иноязычных имен собственных, по отношению к которым автору приходилось решать вопрос, каким образом передать чуждое русскому слуху имя.

Среди иноязычных имен собственных встретились немецкие, французские, английские и итальянские. Автор Журнала они записывались по-разному. Некоторые написаны латинскими буквами: *замокъ саро-di монте называемой; домъ, называемой Alla-Crocelle*. Другие названия записаны и латинскими, и русскими буквами: *постоялой дворъ Hotel d'Artois* и *въ отель Дартуа; въ домъ Памфилиевъ и Palazzo pamfili*. При записи имени собственного автор стремился передать звуковой облик иноязычного слова, нередко ошибаясь, ср. название города *Понь де Бонаузенъ* (франц. *Pont-de-Beauvoisin*), где франц. *beau* 'красивый, прекрасный' (первая часть сложного слова *Beauvoisin*) воспринято как франц. *bon* 'хороший, добрый'.

В передаче итальянских имен собственных ощутимо французское влияние, ср.: итал. *Michelangelo* (Микеланджело) – *работы Мишель Анжеля; начиная съ Мишель Анжа, украшень по начертаніямъ Мишеля Анжеля, соѣланное Мишелемъ Анжелемъ*. К тому же автор склоняет это имя собственное по образцу русских имен и даже образует от него производные: *Мишель Анжелеву живопись*.